

1907

Конституционный эксперимент

3 июня 1907 г. депутаты, сошедшиеся у Таврического дворца, обнаружили на запертых дверях российского парламента Манифест «О роспуске Государственной думы». «Всем верным подданным» подробно исчислялись прегрешения распущенного законодательного собрания:

«... Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства ____ По этой причине выработанные правительством нашим обширные мероприятия Государственная дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением, или отвергала, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках. Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетия. Медлительное рассмотрение Государственной думою росписи государственной вызвало затруднение в своевременном удовлетворении многих насущных потребностей народных. Право запросов правительству значительная часть Думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения».

Однако для разгона хотя бы и негодной Думы требовались более веские аргументы. И Манифест возвещал: «свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти».

«Высокий штиль» манифеста прикрывал довольно нехитрую полицейскую провокацию. Формальным основанием для разгона Думы послужила инсценировка антиправительственного заговора левых депутатов. Делопроизводитель Петербургского комитета РСДРП и по совместительству агент Департамента полиции Екатерина Шорникова сообщила, что с группой солдат в квартиру депутата Озола, где собирались социал-демократы, будет передан «наказ» «возмутительного содержания» (в делах Департамента была предусмотрительно оставлена машинописная копия). Предполагалось, что полиция застукает фракцию с поличным. Но стражи порядка сплеховали и явились на место уже после ухода «солдатской депутации». Более того, подлинный «Наказ воинских частей петербургского гарнизона в социал-демократическую фракцию Государственной думы» — главную улику обвинения — так и не нашли. Пришлось «шить» к делу о заговоре полицейскую копию, «белые нитки» следствия торчали совершенно явственно.

Тем не менее 1 июня по требованию правительства состоялось закрытое заседание парламента, в котором прокурор Петербургской судебной палаты предъявил 55 депутатам обвинение в подготовке заговора, направленного «к ниспровержению государственного строя», и потребовал немедленного лишения 16 членов Думы депутатской неприкосновенности. Дума не пожелала удовлетворить эти требования власти, не проверив основательности выдвинутых обвинений. В тексте пресловутого «наказа» оказались только жалобы на бессмысленную тяготу солдатской лямки и призыв депутатам «заговорить... в Думе» о том, как «запирает начальство солдат в каменные клетки-казармы, как мучает их непосильной и ненужной работой, как терзает их бессмысленными учениями...» На улику в подготовке военного мятежа бумага никак не тянула. Для расследования обстоятельств дела была создана думская комиссия под председательством историка Александра Кизеветтера. Она должна была доложить результаты своей работы в понедельник 4 июня, но ее выводов никто не стал дожидаться.

Прокуратура, у которой по случаю революции было много и более насущных забот, обнаружила из ряда вон выходящее рвение в отношении думцев, разумеется, не по собственному почину. За спиной окружного прокурора маячила внушительная фигура премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина, находившегося в то время в апогее

влияния на государя. У честолюбивого премьера был свой план прекращения «смуты» и построения «великой России», но для исполнения этого плана нужны были совсем другие законодатели. Посему вместе с указом о роспуске было опубликовано новое «Положение о выборах в Государственную думу», радикально менявшее облик нижней палаты российского парламента. Избирательное законодательство по точному смыслу российской конституции — Основных государственных законов от 26 апреля 1906 г. — не могло быть изменено без одобрения Государственной думы. Издание нового Положения в порядке чрезвычайного законодательства было грубым попранием Основных законов — то есть государственным переворотом, единственным достоинством которого было отсутствие рукоприкладства и стрельбы по народным избранникам. Почитатели премьера немедленно углядели в нем «русского Бисмарка». Создателю великой Германии тоже пришлось распустить парламент и изменить избирательный закон.

«Бесстыжий» закон и послушная Дума

Состав Думы первых двух созывов предопределялся «виттевским» избирательным законом 11 декабря 1905 г. Закон этот имел несчастную судьбу. В феврале 1905 г. под впечатлением начальных событий революции рескриптом на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина Николай II повелел созвать совещательную Думу, не имевшую законодательных прав. Закон о выборах в «булыгинскую думу» был опубликован 6 августа 1905 г. Страна единодушно такую Думу бойкотировала. Совещательное представительство уже никого не могло удовлетворить. Революция продолжалась. Наконец, под давлением всеобщей стачки Николаю II пришлось 17 октября 1905 г. подписать манифест, которым Думе сообщались законодательные права, а правительству, во главе которого был поставлен извлеченный из опалы Витте, было повелено, «не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку».

В результате «виттевский» закон сохранил основные черты «булыгинского», в который наскоро были внесены лишь некоторые существенные поправки. Выборы не были всеобщими, к участию в них не допускались женщины, молодежь до 25 лет, деревенские батраки, военнослужащие действительной службы и некоторые разряды «иностранцев». Выборы не были прямыми. Избиратели выбирали «выборщиков», которые, сойдясь в общем губернском собрании, уже выбирали непосредственно депутатов. Выборы оставались неравными. Избиратели делились на четыре курии — землевладельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. Для участия в выборах по первым двум куриям устанавливался довольно высокий имущественный ценз. По рабочей курии к выборам допускались лишь мужчины, занятые на предприятиях, имевших не менее 50 рабочих. Для крестьянской курии вместо ограничительных цензов устанавливались многоступенчатые выборы «выборщиков». Куриальная система была выстроена таким образом, что один выборщик приходился на 2 тысячи землевладельцев, 4 тысячи горожан, 30 тысяч крестьян и 90 тысяч рабочих.

Закон намеренно предоставлял крестьянству почти половину мест (42%) в губернских собраниях выборщиков. Власти верили, что «мужичок» (хорошо бы еще и неграмотный, ценз грамотности был исключен из проекта булыгинского закона) сохранит верность самодержавию и будет верной опорой власти в условиях новой смуты. Дворянство — главный поставщик либеральных оппозиционеров — лишалось доверия монарха.

Однако купить лояльность крестьянина мог только земельный закон, урезавший помещичье землевладение. Справедливо решить наиболее острый тогда для страны аграрный вопрос, по мысли крестьянства, значило отобрать помещичьи земли, данные некогда за военную службу и удерживаемые после отмены обязательной службы дворян 18 февраля 1762 г. безо всякого на то права.

Умеренный вариант подобного закона разработал в конце 1905 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием Николай Кутлер. В преамбуле указывалось, что «слишком упорное отстаивание принципа неприкосновенности частной собственности и свободы распоряжения ею может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишаются всего, и притом на самых разорительных для себя и для всей страны условиях». Проект предусматривал принудительное отчуждение части помещичьих земель в пользу крестьянства.

Наиболее дальновидные и практичные из крупных землевладельцев были готовы пожертвовать частью земельной собственности ради легитимации оставшейся. Даже дворцовый комендант Д.Ф. Трепов, человек очень недалекий, говорил Витте: «Я сам помещик, и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собою вторую половину». Однако большинство дворян выступило решительно против кутлеровского проекта. Главное возражение их сводилось к тому, что «никакие частичные мероприятия по передаче крестьянам частновладельческих земель не приведут к успокоению их, так как они всегда будут стремиться, ободренные к тому в своих вождениях, к полному захвату всей земельной собственности». Аргументация произвела сильное впечатление на Николая II. В результате Кутлер был с позором отставлен в феврале 1906 г. и «с горя пошел в кадеты» — предложил свои наработки Конституционно-демократической партии, которая, вооружившись кутлеровским проектом, имела на выборах большой успех.

Крестьянская Дума на деле оказалась левой. Правые — откровенно черносотенные — партии в Думу не попали. Из 478 мест большинство (179 мандатов) получили кадеты, отстаивавшие программу «принудительного отчуждения». Крестьяне, стоявшие на позициях партии социалистов-революционеров, формально выборы бойкотировавшей, образовали «трудовую» фракцию и выступили с собственным аграрным проектом («проект 104-х»), предусматривавшим национализацию всех земель, превышавших «трудовую норму», то есть не обрабатываемых силами владельца и его семьи. К левым фракциям в решении социально-политических проблем примыкали «беспартийные» крестьяне и 70 «автономистов» — представителей окраин.

Программа прекращения бушующей в стране «смуты», предложенная I Думой, предусматривала прежде всего широкую политическую амнистию и разрешение аграрного вопроса путем принудительного отчуждения частновладельческих земель. Правительство И.Л. Горемыкина ответило резким отказом даже обсуждать все эти требования и предложило депутатам заняться практической законодательной работой. «Практичность» выглядела полным издевательством. Первый правительственный законопроект, внесенный в Думу, был «Об отпуске 40 029 руб. 49 коп. на постройку пальмовой оранжереи и сооружение клинической прачечной при Юрьевском университете». Между думой и правительством разгорелся острый конфликт. Дума

продолжала обсуждать законопроекты, предусматривавшие принудительное отчуждение частновладельческих земель. В правительственном сообщении, опубликованном 20 июня 1906 г., принудительное отчуждение объявлялось неприемлемым ни в какой форме. 6 июля Дума приняла обращение к народу. 8 июля министр внутренних дел П.А. Столыпин, уже имея на руках указ о роспуске Думы, по телефону известил ее председателя С.А. Муромцева о своем намерении выступить в Думе в понедельник 9 июля. Эта маленькая военная хитрость должна была усыпить бдительность думцев и воспрепятствовать организации протестных действий. Дума была распущена под тем предлогом, что «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область».

«Умиротворить» страну, где крестьянство составляло девять десятых населения, не потревожив при этом «священных прав собственности» помещиков, был призван энергичный саратовский губернатор П.А. Столыпин, назначенный в день открытия занятий I Думы 27 апреля 1906 г. министром внутренних дел и сделавшийся председателем Совета министров в день ее роспуска — 8 июля. Быстрый карьерный взлет самого молодого российского губернатора отчасти объясняется его обширными родственными связями, отчасти — произведшими на Николая II большое впечатление изобретательностью и отвагой, проявленными Столыпиным в борьбе с революционными выступлениями и «аграрными беспорядками» в Саратовской губернии, в наибольшей степени пострадавшей от «иллюминаций», как называли в то время поджоги крестьянами помещичьих усадеб. Столыпин ухитрялся минимально использовать войска, широко прибегая к помощи черносотенных дружин для разгона революционных митингов. Но когда в уездном городке Балашове активисты «Союза русского народа» собирались расправиться с забастовавшими земскими медиками, Столыпин лично прибыл на место с командой казаков для утихомиривания «союзников» и даже был задет брошенным из толпы «патриотов» булыжником.

Столыпинская программа умиротворения страны была опубликована 24 августа 1906 г. Правительство провозгласило, что «не колеблясь противопоставит насилию силу». Революционное насилие, иногда до неразличимости сливавшееся с обычной уголовщиной, действительно приобрело невиданные масштабы. За 1906—1907 гг. в результате терактов и уличных столкновений были убиты 4126 и ра-

нены 4552 должностных лица. В августе 1906 г. в местностях, объявленных на чрезвычайном положении, вводились военно-полевые суды, благодаря «скорорешительности» которых за виселицей вскоре утвердилось прозвище «стольпинского галстука». В 1906—1910 гг. по приговорам воешо-полевых и военно-окружных судов были казнены 3825 человек — больше, чем за два предшествовавших столетия. За этот же период около 30 тысяч человек подверглись административной высылке без суда на основании положения о чрезвычайной охране. К моменту смерти Столыпина из 157 миллионов российских поданных 152 миллиона проживали в «местностях объявленных на положении чрезвычайной или усиленной охраны».

Итогом реформаторских усилий правительства должна была стать «великая Россия», которая прежде всего мыслилась как «русское государство», освобожденное от пагубного воздействия «инородцев». Опорой власти и основой государственной мощи должен был стать «сильный и крепкий» крестьянин, освобожденный от пут «социалистической» общины.

Важнейшей частью программы становилась аграрная реформа, реализация которой началась указом 9 ноября 1906 г. Однако указы, изданные в перерывах между сессиями законодательных палат по 87 статье Основных законов, подлежали утверждению законодателей или переставали действовать. А провести закон о земельной реформе, оставляющей в полной неприкосновенности «частновладельческие» земли, через свободно избранную крестьянскую Думу было решительно невозможно. Власти попытались исправить положение манипуляциями в ходе избирательной кампании. Во время выборов во II Думу был беззастенчиво использован, как теперь сказали бы, «административный ресурс» для создания желательного корпуса депутатов: значительные категории крестьян и рабочих не были допущены к выборам благодаря на диво ко времени подоспевшим сенатским «разъяснениям» выборного законодательства, губернаторы всеми средствами отстраняли от участия в губернских собраниях левых выборщиков, запрещая избирательные собрания, манипулируя рассылкой повесток, переноса место и изменяя назначенное время выборов.

Несмотря на все эти усилия, Дума второго созыва оказалась еще левее первой, поскольку в выборах приняли участие радикальные партии, убедившиеся в неэффективности тактики бойкота. В Думе образовалась внушительная социал-демократическая фракция (65 депу-

татов). Народники разных направлений — эсеры, трудовики и народные социалисты — получили в общей сложности 157 мест. Потерявшие 80 мест сравнительно с первой Думой кадеты были представлены 98 депутатами.

Занятия Думы открылись 20 февраля 1907 г. Правительственную программу реформ 6 марта представил в думе П.А. Столыпин. Программа обещала крестьянам аграрную реформу в соответствии с указом 9 ноября и введение волостного земства. Легальные профсоюзы и введение государственного страхования призваны были решить «рабочий вопрос»; старообрядцам и иноверцам предоставлялась свобода «богомоления», а всем вообще российским подданным — неприкосновенность личности, расширенное самоуправление, в том числе волостное бессловное земство. Но все это лишь после прекращения «смуты», в более или менее отдаленном будущем, при соблюдении «исторической преемственности» и «культурных традиций». «Противникам государственности, — гремел премьер с думской трибуны, заканчивая 10 мая речь по аграрному вопросу, — хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Великой России подобало «правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство его величества».

Дума, выслушав декларацию правительства, продолжила готовить аграрную реформу, радикально отличающуюся от возвешенной высочайшим указом 9 ноября: эсеры разработали проект «социализации» земли, социал-демократы ратовали за ее «муниципализацию», трудовики продолжали отстаивать «национализацию», в соответствии с перводумским «проектом 104-х» (все три предусматривали ликвидацию частной собственности на землю и различались только предлагаемыми способами распоряжения обобщественной землей).

Монархия оказалась на развилке, откуда открывалось три пути. Крайне правые предлагали ликвидировать законодательную Думу совсем (или вовсе ее упразднить или сделав совещательной). Однако правительство и Николай II опасались взрыва возмущения в стране. Второй путь состоял в признании Думы выразителем воли нации и формировании министерства во главе с «общественными деятелями». Столыпин первоначально склонялся к этому варианту. Но правительство думского большинства — кадетское — было для власти принципи-

ально невозможно. Кадеты продолжали оставаться на полулегальном положении, отказались осудить политический террор и вообще эта партия, как выразился министр финансов Коковцов, «слишком много наобещала крайним левым элементам и слишком явно попала уже в зависимость от них». Возникла идея составить правительство с включением таких лиц, которые хотя и не представляли думское большинство, но пользовались доверием общественности. С таким кабинетом, во главе которого предполагалось поставить многолетнего лидера московского земства Д.Н. Шипова, кадеты и даже умеренно левые «элементы» в Думе могли бы найти общий язык. Однако Шипов от предложенной чести отказался, мотивировав это тем, что в случае неизбежного конфликта с Думой «этот новый кабинет не может искать поддержки в традициях старого строя и будет поставлен в необходимость в самом скором времени... подать в отставку». Он советовал образовать кадетское министерство. Тогда, ради продолжения «конституционного эксперимента», Столыпин окончательно выбрал третий путь — путь фальсификации народного представительства.

В первых числах мая 1907 г. начались заседания Совета министров, посвященные подготовке нового избирательного закона. Заседания были столь секретны, что на них даже не велось протоколов. Разработка проекта закона была поручена товарищу министра внутренних дел С.Е. Крыжановскому. Из трех подготовленных им вариантов Совет министров одобрил тот, который сам автор считал откровенно «бесстыжим». Государь император, подписывая указ, изволил с удовлетворением вымолвить: «Я за бесстыжий».

В пояснительной записке к проекту Крыжановский не без гордости подчеркивал, что проектируемая им система «помимо своей простоты и устойчивости, которую она вносит в результаты выборов, представляет и то еще преимущество, что дает возможность предопределить число представителей от каждого класса населения, установив таким образом состав Думы в соответствии с видами правительственной власти».

Частью эти «виды» были недвусмысленно обозначены 3 июня 1907 г. в Манифесте о роспуске Думы: «созданная для укрепления государства Российского Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем возможность быть

вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены». Соответственно, новым выборным законом были полностью лишены представительства в Думе десять среднеазиатских областей и губерний, польским губерниям было оставлено 12 мест из прежних 36, Кавказ посылал теперь 10 депутатов вместо 29. Почти такому же сокращению подверглось представительство крупных городов, жители которых, чаще поражаемые заразой либерализма, как оказалось, были мало расположены к поддержке «истинно русской» политики. Число городов, имевших право прямого выбора депутатов, было сокращено с 26 до 5. Единая прежде городская курия была разделена на два разряда, причем в первом разряде, куда попадали крупные предприниматели, купцы и домовладельцы, один выборщик приходился на 1 тысячу избирателей, а во второй, включавшей городской «средний класс» — плательщиков «квартирного налога», то есть врачей, учителей, адвокатов и т.п., — на 15 тысяч.

Главная же перемена в Манифесте не афишировалась и состояла в том, что Дума переставала быть крестьянской. Куриальный механизм был на сей раз отлажен таким образом, что абсолютное большинство выборщиков, 50,5% (вместо прежних 31%), избирала теперь землевладельческая курия, крестьянская — 22,5% (вместо 42%), а выборы по рабочей курии производились только в 6 промышленных губерниях. Теперь один выборщик по землевладельческой курии приходился на 230 человек, по крестьянской — на 60 тысяч, а по рабочей — на 125 тысяч. В губернских собраниях выборщиков обязательный депутат от крестьян избирался теперь не самими крестьянами, а всем составом губернских выборщиков, т. е. крестьянский представитель избирался поместным дворянством на свой вкус. Неудивительно, что в III и IV Думах крестьяне в значительном числе появились и на правых скамьях.

Состав Думы, избранной по новому закону, находился в резком контрасте с социальной и национальной структурой населения. Дворяне, занимавшие 43% думских мест, по переписи 1897 г. составляли менее 1% населения. Крестьян в Думе оказалось 15%, лиц свободных профессий — 19,5%, промышленников и торговцев — 7,5%, священников и миссионеров — 10%, рабочих и ремесленников — 2,5%. По национальному составу Дума вышла, как и мечтал Столыпин, «ис-

тинно русской»: 77% депутатов были «великороссами», на долю всех остальных «народностей», составлявших 44% населения империи, досталось 23% мест.

В результате манипуляций с избирательными куриями III Государственная дума давала и совершенно искаженную картину политического спектра. Левый фланг Думы был слаб и малолюднен, там помещалось 13 трудовиков и 19 социал-демократов. Левыми в новой Думе оказались 53 кадета, прежде составлявшие думский центр. Господствующее положение в центре занимала фракция «Союза 17 октября» (154 депутата), к которой тесно примыкали 28 «прогрессистов». Зато в Думе впервые образовался мощный правый фланг (147 депутатов). В результате главную задачу столыпинского правления — создание новой социальной опоры монархии в лице крестьян-собственников — предлагалось решать Думе с преобладанием дворян-помещиков, размещавшихся на правых скамьях, и представителей торгово-промышленного сословия, составлявших партию октябристов.

В октябристах Столыпин нашел на первое время надежных союзников. Программа умеренно-либерального и умеренно-патриотического «Союза» отличалась неопределенностью, из-за которой газетные остряки нарекли партию «союзом пропавшей грамоты». По существу она сводилась к «развитию и укреплению начал конституционной монархии и установлению тесного единения монарха с народом». В речи на первом всероссийском съезде Союза в феврале 1906 г. Д.Н. Шипов так пояснял этот пункт партийной программы: «Мы — искренние монархисты по убеждению; мы видим в конституционной монархии противодействие идее деспотизма олигархии или массы. Монарх — выше всех политических партий, и поэтому свобода и право каждого гражданина наиболее обеспечены при конституционной монархии». Чтобы вполне оценить радикальность этой позиции, надо принять в расчет, что правые партии и сам Николай II не считали, что с появлением Думы и Основных законов Россия сделалась конституционной страной (из Основных законов было изъято упоминание о «неограниченности» монаршей власти, но осталась ее характеристика как власти «самодержавной»). Октябристы были безусловными сторонниками конституционной монархии и гражданского равенства, но они одинаково чурались как близоруко-реваншистской дворцовой «камарильи», так и непрактичных леваков — кадетов. Это сближало их со Столыпиным; близка к столыпинской была и неразработанная в деталях аг-

рарная программа партии. Важным обстоятельством, обеспечившим возможность такого союза, была готовность октябристов ждать коренных политических реформ до того момента, когда для них возникнут социальные предпосылки, довольствуясь до тех пор частными мерами. Как и Столыпин, они были убеждены, что Россия может стать свободным правовым государством лишь тогда, когда основная масса населения — крестьянство, оценив преимущества частной собственности, поймет ценность свободы и права. До этого, как выражался Столыпин, писанные конституционные права будут лишь «румянцем на трупе». Кроме того, союз Столыпина с октябристами был в значительной степени скреплен «личной унией». С лидером октябристов А.И. Гучковым Столыпин познакомился в апреле 1906 г. в доме своего брата, известного петербургского журналиста А.А. Столыпина. Между двумя политиками сразу возникла «дружеская приязнь», и с тех пор они не только переписывались, но и частенько встречались в неофициальной обстановке. В этих приватных беседах они обсуждали политические проблемы и вырабатывали тактику совместных действий. В результате октябристы выдали Столыпину карт-бланш и на несколько лет стали «правительственной» партией в отечественном смысле слова: не правительство выполняло волю партии, а партия выполняла волю правительства, за что и получила прозвище «партии последнего правительственного распоряжения».

Третьеиюньская избирательная система позволяла создать в Думе два большинства. Первое, охранительно-монархическое большинство, необходимое для проведения репрессивных мер, образовывалось при солидарном голосовании октябристов и правых. Для чего А.И. Гучков при помощи Столыпина «произвел раскол в правом секторе Думы, выделив из нее более умеренные элементы, которые могли бы оказать поддержку столыпинскому министерству». На сторону Столыпина стали «умеренно-правые» и «националисты», в отличие от «крайне правых», во главе с Н.Е. Марковым и В.М. Пуришкевичем, лидерами черносотенного «Союза русского народа».

Второе, либерально-реформаторское большинство возникало при блокировании октябристов с кадетами, которые на своем пятом съезде в октябре 1907 г. смиренно постановили, что идут в Думу для «органической работы» в качестве «ответственной оппозиции».

Премьер, имея два большинства на все случаи жизни, получил полную свободу рук для проведения собственного курса. III Госуда-

рственная дума стала послушным орудием в руках Столыпина — и проработала весь положенный по закону срок (1907-1912). Политическая стабильность была достигнута. Но и цена ее оказалась велика.

Дума первых двух созывов — бестолковая, истеричная, подчас хамоватая — вызывала отвращение не только у правых. Сергей Булгаков, принадлежавший к левому крылу второй Думы, с глубоким презрением писал о ее «нелепости, невежественности, ничемности, о том, что она в своем убожестве даже не в состоянии была заметить, что сама она не была пригодна ни для какого дела и утопала в бесконечной болтовне». Но — как ни прискорбно это сознавать — эта «говорильня» вполне выражала «чаяния» страны.

В праве III Думы говорить от лица нации сомневался даже ее председатель (с 1911) Михаил Родзянко. Столыпинский курс законодательно оформляло грубо фальсифицированное народное представительство. Действия правительства оказывались таким образом вполне законными, но не легитимными, то есть правительство действовало в рамках законов, но сами эти законы не признавались страной справедливыми.

Столыпина «закономерность» действий правительства мало заботила. Он твердо вел линию, которую считал единственно верной. Важнейшие социально-экономические меры премьер в случае замедления и противодействия своим планам ничтоже сумняшеся проводил в обход законодательных учреждений, широко пользуясь 87 статьей Основных законов, позволявшей принимать законодательные акты высочайшими указами в промежутках между сессиями законодательных палат. И даже специально устраивал для этой цели палатам внеурочные «каникулы».

Оправданием «чрезвычайщины» служили Столыпину ссылки на происки революционных экстремистов. «Государство обязано, — убеждал премьер Думу, выступая по вопросу об отмене закона о военно-полевых судах, — когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада... Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна». Это «состояние необходимой обороны», по мысли Столыпина, требует не только применения широких репрессий, но и подчинения государства «одной воле, произволу одного человека».

Несостоявшееся умиротворение

Главной целью Столыпина было общее «умиротворение» страны, глубоко потрясенной революцией. Прочного умиротворения, однако, нельзя было достигнуть одними репрессиями. В записке, поданной царю в январе 1907 года, Столыпин доказывал: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления». В своих реформаторских намерениях Столыпин был исключительно тверд и искренен. Когда В.И. Гурко, заместитель министра внутренних дел, одним из первых приехал 12 августа 1906 г. на развалины премьерской дачи на Аптекарском острове, разнесенной бомбой террористов, причем тяжело ранена была дочь Столыпина, первая фраза, которую он услышал от премьера, была: «Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России».

Главной язвой было несовершенство крестьянского «уклада». За его исправление Столыпин и принялся со всей прямолинейностью и ревностью неопита. Специальных теоретических познаний и глубокого практического знакомства с аграрным вопросом у него не было. Дочь реформатора М.П. Бок простодушно отметила в своих воспоминаниях, что отец «очень любил сельское хозяйство, и когда бывал в Колнобереже, весь уходил в заботы о посевах, покосах, посадках в лесу и работу в фруктовых садах». Этого «дачного» опыта было, разумеется, маловато. В 1902 г. Столыпин участвовал в трудах виттевского Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, и там усвоил мнение, что для решения всех проблем достаточно уничтожить общинную чересполосицу и расселить крестьян по хуторам. Однако ясного представления о сложности дела и плана реформ к моменту своего назначения на пост министра внутренних дел бойкий провинциал не имел и позаимствовал разработки своего «товарища» (так официально называлась тогда должность заместителя министра) — Владимира Гурко, занимавшегося подготовкой земельной реформы еще при Плеве.

Существо аграрной реформы, за которой закрепилось название «стольпинской», состояло в форсированном разрушении крестьяне-

кой поземельной общины и проведении «землеустройства» для ускоренного формирования класса «крепких» крестьян-собственников. Крепкий хозяин, решивший «аграрный вопрос» за счет односельчан, должен был — по замыслу премьера — иметь право голоса в местном самоуправлении и возможность вывести в люди детей (чему должно было служить введение всеобщего начального образования); для менее удачливых предусматривалось переселение в Сибирь и на другие окраины с наделением землей за счет аборигенов. Расширению частной крестьянской земельной собственности должно было способствовать предоставление крестьянам льготного кредита через Крестьянский поземельный банк.

Первым шагом на этом пути стало уравнивание крестьян с другими сословиями в гражданских правах. Указом 5 октября 1906 г. крестьянам предоставлялось право свободного получения паспортов и выбора места жительства, отменялись телесные наказания по приговору волостных крестьянских судов.

9 ноября 1906 г. был опубликован указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Пустое канцелярское название маскировало важнейший государственный акт, открывавший крестьянам выход из общины с «укреплением» наделной земли в личную собственность.

Существенно, что при этом большая часть земель переходила не в семейную собственность, каким доселе было деревенское владение наделом, а в личную собственность «домохозяина». Однако при этом правительство стремилось ограничить свободную мобилизацию земель и сохранить бывшие «надельные» земли в руках крестьянского сословия. «Крестьяне-укрепленцы» могли продать свои наделы лишь лицам, «приписанным к сельскому обществу». Надельная земля не могла быть заложена иначе как в Крестьянский банк и «завещана иначе как по обычаю».

Крестьянин мог «укрепить» за собой полевые участки в том виде, в каком ими пользовался (иногда число этих «полос» в разных полях доходило до сотни), или с согласия общины — свести все эти полосы в один участок — «отруб». Если крестьянин выходил на «хутор», то есть переносил на отруб усадебные постройки, он мог претендовать на дополнительную прирезку земли в размере оставляемой в деревне усадьбы. Для укрепления «полос» достаточно было получить раз-

решение простого большинства сельского схода, а для создания отруба или хутора — согласие двух третей крестьянского схода. Однако произвол общины был исключен. Если «сельское общество» по каким-либо причинам отказывалось в течение месяца со дня подачи заявления «выделенца» составить «приговор» с описанием укрепляемых участков, «выдел» оформлялся постановлением земского начальника.

Правительство всячески содействовало образованию хуторов, хutorьям, в частности, выдавались на особо льготных условиях ссуды Крестьянского банка. Предпочтение, отдаваемое хуторскому хозяйству, объяснялось не только тем, что при этом формировался слой крестьян, владевших участками в наибольшей степени отвечающих требованиям рационального хозяйствования. Вторая цель правительства состояла в том, чтобы разрушить компактное и спаянное деревенское сообщество, ибо, как писал Столыпин, «дикая, полуголодная деревня, не привыкшая уважать ни свою, ни чужую собственность, не боящаяся, действуя миром, никакой ответственности, всегда будет представлять собой горючий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу».

Энергичные землеустроительные работы начались уже в январе 1907 г. (к 1911 г. землеустройством были заняты уже более 5 тысяч казенных землемеров). Но только 14 июля 1910 г. был принят Государственной думой закон, утвердивший основные положения указа 9 ноября 1906 г. и несколько даже упростивший порядок выхода крестьян из общин.

В доказательство успешного хода столыпинской реформы обычно приводят статистические данные. Если судить по отчетам Главного управления землеустройства и земледелия, во главе которого стоял ближайший единомышленник Столыпина А.В. Кривошей, то реформа действительно продвигалась успешно. С 1907 по 1915 г. 3 миллио-на 373 тысячи домохозяев (36,7% от их общего числа) подали заявления о выходе из общины. Из них 2 миллиона 478 тысяч домохозяев (26,9%) формально укрепили землю в личную собственность. Из земельного запаса Крестьянского банка в 1906—1915 гг. было продано крестьянам 3,7 миллиона десятин земли, на которых к 1915 г. было образовано 7,7 тысячи хуторов и 14,3 тысячи отрубов. Из Европейской России за Урал переселилось 3 млн крестьян, по большей части малоземельных бедняков.

Реальность, скрывающаяся за этими цифрами, сложнее и гораздо в меньшей степени позволяет говорить об успехе. Достоверность самой этой статистики вызывает большие сомнения. Специальным циркуляром Министерства внутренних дел служащим было объявлено, что «оценка их служебной деятельности» и продвижение по службе будут поставлены в зависимость от успеха реформы. Чиновники старались как могли. Выборочные проверки, проведенные министерством в нескольких губерниях, выявили до 10% приписок. Но даже реально выделившиеся не образовали чаемого «крепкого» крестьянства. Само Главное управление земледелия вынуждено было признавать, что «хутора, выделенные из общинных земель, во многих случаях маломерные и слабые». Новгородский агроном Анатолий Клопов, получивший право писать о положении дел в стране лично государю, в ноябре 1909 г. так описывал положение хуторян в центрально-черноземных губерниях: «семьи из 10 человек, сидящие на клочке в 2—5—6 десятин земли, затратившие последние гроши, добытые путем займа, на перенос своих хат, живущие впроголодь на покупном хлебе уже теперь после обильного урожая... Доходов впереди никаких, и остаются неудовлетворенными... самые элементарные нужды. Многие сидят без воды, так как лужи, из которых они черпали воду, замерзли, на устройство же колодцев нет средств». Хутора, созданные на покупных землях, в частности на землях Крестьянского банка, были крупнее и крепче. Но и среди них около четверти были фиктивными (администрация банка предпочитала именовать их временно «не обустроенными»), владельцам не хватало средств и они не торопились покидать деревню, а на хуторской земле ставилась «скверная хижина» и «намок на будущие постройки».

Структурные реформы обходятся дорого, но Столыпин, кажется, этого не понимал. На вооружения Россия потратила в 1907—1913 гг. 4,36 млрд руб.; на поддержку поместного дворянства — 987 млн руб., а на важнейшую аграрную реформу отпустили всего 56,6 млн руб. Несостоявшийся фермер, разоренный «отрубник», обозленный нищий переселенец стали наглядными «агитаторами» против реформы.

Экономический эффект столыпинской аграрной реформы был скромным, во всяком случае в науке на этот счет продолжается полемика. К 1917 г. до 80% крестьянских земель продолжали оставаться в чересполосном состоянии и обрабатывались по архаической трехпольной системе. Общий подъем сельскохозяйственного производства

в стране, по всей видимости, обеспечивался главным образом «культурными» помещичьими хозяйствами. Производительность основной массы крестьянских хозяйств оставалась крайне низкой. Лишь около 2% обособившихся хозяйств, причем почти исключительно в южных и северо-западных губерниях, крепко стали на ноги. Реформа шла чрезвычайно неравномерно. Так, например, в Олонецкой губернии выделов не состоялось ни одного, а в Архангельской — из трехсот с лишком тысяч десятин надельной земли было «приватизировано» 200 десятин.

Гораздо более существенно, и здесь историки самых разных направлений вполне единодушны, что реформа провалилась политически. Либеральная реформа встречала стойкое сопротивление основной массы крестьянства в первую очередь именно из-за того что проводилась силой. Деревенское сообщество привычно выступило «миром» против вмешательства в свои дела со стороны. Характерно, например, что до трети крестьян, подавших заявления о выходе из общины, вынуждены были забрать их под давлением односельчан; а согласие сходов получили лишь около четверти подавших заявление, остальные добились выхода из общины благодаря постановлению ненавидимых деревней земских начальников.

Помимо зажиточных крестьян, стремившихся к созданию устойчивого крупного фермерского хозяйства, бежала из общины и деревенская гольтьба, которая не могла обработать наделы своими силами. 914 тысяч домохозяев, то есть более четверти покинувших общины, сразу же продали свои наделы. Большая часть их навсегда порвала с деревней и пополнила собой ряды наименее квалифицированного и наиболее взрывоопасного городского плебса.

Переселенческая программа, организованная крайне бюрократически и неэффективно, была практически сорвана. На старые пепелища возвратилось до полумиллиона человек, выселявшихся в Сибирь и Казахстан (около 17% от общего числа переселенцев) — без денег, без прав на землю и без уважения к обманувшей их власти.

Не разрушил Столыпин и сельского «мира». Административная реформа так и не была произведена, и «выделенцы» продолжали участвовать в мирских сходках, где решались важнейшие вопросы местной жизни. Более того, «мир» продолжал — совершенно противозаконно — распоряжаться земельным фондом. Исследование, проведенное Вольным экономическим обществом, обнаружило, что значи-

тельная часть крестьян даже в сельских обществах, где были проведены «землеустроительные работы», оставалась в полном неведении относительно того, что они стали собственниками своих наделов, и общины продолжали по обычаю производить периодические переделы земли.

Усилив внутреннее напряжение в деревне, где «выделенцам» и особенно хуторянам соседи нередко пускали «красного петуха», столыпинская аграрная реформа не заставила и самых зажиточных крестьян забыть о помещичьих землях (а из 130 тысяч крупных и средних земельных владений 107 тысяч принадлежали дворянам). Погромы усадеб периодически возобновлялись. Власти относили их на счет революционных агитаторов. Но даже крайне правый депутат III Государственной думы крестьянин Амосенок понимал и предупреждал правительство с думской трибуны, что революционные агитаторы находят отзыв в крестьянской среде, только когда «нам и здесь не разрешают говорить даже по призванию нашего возлюбленного монарха батюшки-царя... Следовательно, когда нам закрывают рот всегда и на местах, то потому-то и происходит революция».

Помещик, разговорившийся при продаже имения с мужиками «поконсервативней», слышал уже в 1910 г. от почтенных стариков такие, например, характерные речи: «...Теперь умней будем. Зря соваться не станем. Ждем войны. Война беспрерывно будет, тогда конец вам... Потому что воевать мы не пойдем, воюйте сами. Сложим ружья в козлы и шабаш. Которые дымократы, мужички, значит, начнем бить белократов — вас, господ. Вся землю начисто отберем и платить ничего не будем».

Последнее прибежище русского Бисмарка

Аграрная реформа Столыпина попала под огонь уничтожающей критики сразу с двух крайних флангов. Знаменитая максима премьера, что ставку надлежит делать «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных», вызвала негодование и левых и правых. Социалисты, опасаясь, что успех реформы выбьет почву из-под революционной агитации в деревне, обвиняли Столыпина в том, что он отдал деревню на поток и разграбление «мироедам». Крайне правые готовы были терпеть Столыпина, когда требовалось давить революцию, но едва опас-

ность миновала, стали смотреть на него как на злейшего врага — и не случайно: реформа ставила целью создание новой социальной опоры власти взамен дворянства. Совет объединенного дворянства клеймил Столыпина за то, что его правительство «бросило всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию».

Цитаделью правых сделалась верхняя палата российского парламента — Государственный совет, половина членов которого после реформы 1906 г. назначалась царем, а другая половина избиралась «корпорациями» — от земств, дворянских собраний, православной церкви, биржевых комитетов, Академии наук и университетов.

По существу Столыпину не удалось провести ни одного закона, обещанного в реформаторской правительственной декларации 24 августа 1906 г. Тогда предполагалось перестроить местное самоуправление, сообщив зажиточным крестьянам больший в нем вес. Тесно были связаны с крестьянской реформой и вероисповедные законы, долженствовавшие развить положения указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и облегчить положение старообрядцев, составлявших значительную часть среди крестьян северных губерний и Сибири, а также насильственно обращенных в православие униатов юго-западных губерний. Проект реформы местного самоуправления предусматривал ликвидацию особого крестьянского сословного самоуправления и создание бессословных земских учреждений на уровне волости, уезда и губернии. Вместо крестьянского сословного волостного суда предполагалось учредить выборных мировых судей, действующих уже на основе общегражданского, а не обычного крестьянского права. Центр тяжести местной правительственной администрации предполагалось перенести из губернии в уезды, поставив во главе уезда назначаемого сверху «уездного начальника» (эта мера встретила особое противодействие дворянства, поскольку со времен Екатерины II все коллегиальные учреждения уезда состояли под председательством предводителя дворянства), земских начальников должны были сменить участковые начальники, не обязательно из дворян. Введение всеобщего начального образования должно было обеспечить образовательным цензом массы крестьян, получавших более широкое представительство в земских учреждениях. Практически все объявленные Столыпиным либеральные реформы были выхолащены или заблоки-

рованы Государственным советом, но для их продвижения премьер ни разу не воспользовался 87 статьей.

Постепенно в его деятельности начали разочаровываться и октябристы. 22 февраля 1910 г. Гучков выдвинул Столыпину ультиматум. Начав с того, что октябристы и в Думе и в стране «чувствуют себя несколько изолированными», Гучков твердо заявил, что «прискорбная необходимость» столыпинской системы «успокоения» прошла и «при наступивших современных условиях» уже нет «прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод». У октябристов были основания беспокоиться за свою будущность: на дополнительных выборах в трех главных торгово-промышленных городах — Москве, Петербурге и Киеве, в первой городской курии, считавшейся вотчиной октябристов, победили везде кадеты. Октябристы, не рискуя лишиться доверия своих избирателей, могли смещаться вслед за Столыпиным вправо только до определенной степени.

Столыпину для продолжения его конституционного эксперимента необходимо было заручиться другой силой, и он, двигаясь вправо, обратился к националистам. По его инициативе думская фракция «умеренно-правых» учредила одноименную партию во главе с Н.П. Балашовым, слившуюся в январе 1910 г. с Всероссийским национальным союзом, программа которого объявляла, что «Союз имеет целью содействовать: а) господству русской народности, б) укреплению сознания русского народного единства, в) устройству бытовой самопомощи и развитию национальной культуры, г) упрочению русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством». Амбиции у новой партии националистов были глобальные. Балашов уверял журналистов, что в ближайшем будущем «России предстоит первенствующая роль в решении судеб человечества», когда «русский национализм разовьется и расцветет», а Запад вступит в «эпоху социалистических опытов».

Союз с Балашовым и компанией означал отступление Столыпина от первоначально взятого им курса, отказ от проведения либеральных реформ, отлагаемых в неопределенное будущее, и сосредоточение правительства на решении «национальных задач». В интервью корреспонденту «Нового времени» премьер заявил, что будущую Думу четвертого созыва он хотел бы видеть «с крепким устойчивым центром, имеющим национальный оттенок».

«Национальные задачи» никогда не были Столыпину чужды, разговоры о «великой России», «истинно русском» правительстве не были для него риторической фигурой. Но прежде либеральные реформы и, в частности, уравнивание всех российских подданных в гражданских правах, были для него первоочередными задачами. В 1906 г. Совет министров по почину Столыпина принял постановление о частичной отмене ограничений гражданских прав евреев, причем чтобы не вводить государя в искушение, министры согласились «не устраивать разногласия» и подать в качестве единодушного мнения Совета одно только мнение большинства (если журнал Совета подавался с «разногласием», государь мог утвердить в качестве закона любое из высказанных мнений). 10 декабря 1906 г. царь вовсе отказался утвердить журнал Совета министров, объяснив свое решение велениями «Внутреннего голоса», противопоставить которому, разумеется, было нечего. Тогда Столыпин был огорчен провалом акции, теперь борьба за «русское господство» в империи становилась стержнем его собственной политики.

Из мероприятий нового курса наибольший шум вызвал «поход на Финляндию». С началом в 1905 г. всероссийской «смуты» правительству С.Ю. Витте пришлось принимать в пожарном порядке экстренные меры для «умиротворения» Финляндии, сделавшейся в результате русификаторской политики предшествующего десятилетия «пороховой бочкой» под самым боком имперской столицы. В ноябре 1905 г. автономия Финляндии была восстановлена в полном объеме, более того, финляндский Сейм получил полномочия на разработку нового основного закона. С его утверждением в начале 1906 г. Финляндия оказалась наделенной самой демократической в Европе конституцией: однопалатный законодательный Сейм избирался всеми гражданами старше 24 лет (включая женщин).

Своими мерами правительство Витте преобразовало финляндскую «пороховую бочку» в настоящую «черную дыру», вызывающую у властей постоянную головную боль. Собственно финляндцы утихли, но зато территория Великого княжества сделалась практически недоступна для действий российских властей. В Финляндии находили убежище исполнители российских террористических актов и «эксов» — «экспроприации», или попросту говоря, грабежей, совершаемых под политическими знаменами. Через Финляндию шел в Россию поток оружия и не безупречно «чистых» денег, подпитывающих революционные организации. В Финляндии находят себе убежище лица, пре-

следуемые как по политическим мотивам, так и просто уголовные, разыскиваемые российским правосудием. И все потому, как констатировал сам Витте, что «финляндская администрация считала, что все это до них не относится, а русская администрация была стеснена и весьма ограничена в своих действиях в Финляндии».

Столыпин уже в 1907 г. обещал Николаю II «в случае нарушения финляндцами закона и неподчинения законным требованиям действовать силою "manu militari"¹». В октябре было образовано особое совещание по делам Великого княжества Финляндского, куда вошли, в частности, многие сотрудники убитого финляндцами генерал-губернатора Бобрिकова, доведшего Финляндию до взрыва своими «обрусительными» мерами в 1898—1904 гг. Разработанный совещанием проект закона о соотношении общеимперского и финляндского законодательств сводил Сейм на уровень губернского земского собрания. Законопроект был внесен в Думу 14 марта 1910 г. и вызвал многочисленные протесты ученых-юристов. Причем не только российских. Из Франции пришел протест, подписанный четырьмя сотнями депутатов Национального собрания. Финляндский Сейм признал проект противоречащим основным законам Великого княжества.

Октябристы и правые готовы были поддержать столыпинский курс в Финляндии. Решительно против проекта выступила в Думе лишь крошечная группа левых кадетов, глашатаем которой сделался П.Н. Милюков. За принятием этих законов, утверждал Милюков, «последует ненависть, злоба, отчаяние, за борьбой последует необходимость репрессий... Правительство провоцирует страну на поступки, которые оправдают жестокие меры управления, а иначе оно управлять не умеет».

Столыпин лично защищал проект в Думе. Признав юридическую спорность вопроса, премьер решительно отшел правые аргументы: «Масса материалов, документов, актов, касающихся отношений Финляндии к России, дает возможность защищать всякую теорию: достаточно для этого выдергать из архивных груд нужные для этого материалы». Премьер упирал на политическую целесообразность и обращался к патриотическим чувствам депутатов, утверждая, что отклонение проекта будет сочтено в Финляндии и на окраинах вообще признаком русской слабости. «Разружьте, господа, — призывал он дум-

¹«Воинской рукой» (лат.).

цев, — этот опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, — презрение к нашей родине». Думская оппозиция из протеста покинула зал заседаний, оставшееся националистическое большинство высказалось за ускоренный порядок обсуждения и приняло проект в жесткой правительственной версии, отказавшись внести в него даже скромные смягчающие поправки, предложенные октябристами.

Успешно миновав Государственный совет, проект стал законом 17 июня 1910 г., в соответствии с которым финляндский Сейм становился совещательным учреждением в вопросах не только «общеимперского», но и внутреннего законодательства. Закон имел «рамочный» характер, и до издания новых законов оставались в силе старые финляндские порядки, но антирусские настроения в Финляндии значительно усилились, финны были уверены, что российская власть вторично отобрала их законные права, но на этот раз уже с согласия народных представителей.

Национальная политика привела к окончательному краху как самого Столыпина, так и его «конституционного эксперимента». Наиболее отчетливо этот механизм виден на примере закона о «западном земстве».

Переход Столыпина к «национальной» политике ознаменовался в мае 1909 г. внесением в Думу правительственного законопроекта об изменении порядка выборов членов Государственного совета от западных губерний, где не было земских учреждений и выборы представителя губернии производились губернскими съездами землевладельцев. Поскольку земельный ценз для участия в выборах был высок, а крупными землевладельцами в западных губерниях (Виленской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Минской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской) были почти исключительно поляки, все девять избираемых членов Совета оказывались поляками. Группа членов Государственного совета по инициативе одного из главных идеологов русского национализма, многолетнего редактора газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно, внесла законопроект об изменении порядка выборов, при котором для всех девяти губерний образовывались два избирательных съезда выборщиков, русский и польский, причем русский избирал шестерых членов Государственного совета, а польский — трех. Предложение Пихно было встречено в Совете прохладно. С точки зрения старого «имперского» принципа против проекта возражал обер-прокурор Синода князь А.Д. Оболенский: «Основное начало нашей государ-

ственности заключается в том, что в Российской монархии есть Русский царь, перед которым все народы и все племена равны». Однако Столыпин, ко всеобщему удивлению, высказался о проекте сочувственно и немедленно внес его в Думу.

Дума не успевала рассмотреть проект ранее осени, а выборы предстояли уже летом. Министерство внутренних дел одновременно с внесением проекта нового порядка выборов предложило отсрочить их на год. Октябристы предложили другой ход: произвести выборы по старому закону, но только на год, а за это время ввести в западных губерниях земские учреждения. Столыпину идея чрезвычайно понравилась, разом убивались два зайца — защита русских интересов от «польского засилья» приобретала вид либеральной реформы.

Весной 1910 г. в Думе началось обсуждение правительственного законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях. Причем только в шести из девяти, поскольку в губерниях Виленской, Гродненской и Ковенской русское землевладение было настолько слабым, что обеспечить преимущественное положение в земстве русским землевладельцам было невозможно никакими законодательными ухищрениями.

В земское положение 1890 г. для западных губерний были внесены фундаментальные изменения. Вместо сословных курий вводились курии национальные (формально конфессиональные — одна для православных, вторая — для прочих, поскольку законодательно определить критерии «русское™» было невозможно). Каждая из курий выбирала фиксированное число гласных, причем «русская» — всегда значительно больше «польской». Число это определялось соотношением численности населения данной «нации» в рамках губернии и принадлежащей этому населению собственности в уезде. Подсчет велся следующим образом: если в некоторой губернии польское население составляло 2% и владело в данном уезде 38% недвижимости, эти проценты складывались и делились пополам, то есть в этом уезде поляки избирали 20% гласных. Особо было оговорено в проекте, что русские должны иметь большинство в управах и в составе земских служащих.

В Думе проект подвергся критике слева за нарушение равенства национальностей. Столыпин, лично выступавший в защиту проекта, публично отрекся от проповедуемого тогда либералами принципа свободного соревнования наций и культур. «Мы стремимся, — говорил он 7 мая 1910 г., — оградить права русского экономически и культурно слабого

большинства от польского экономически и культурно сильного меньшинства... Достояна ли русского правительства роль постороннего наблюдателя, стоящего на историческом ипподроме или в качестве беспристрастного судьи у призового столба и регистрирующего успехи той или иной народности? Цель проекта — запечатлеть открыто и нелицемерно, что Западный край есть и будет край русский, навсегда, навеки!»

Проект был принят Думой с небольшими октябристскими поправками, было уменьшено число обязательных гласных от духовенства и исключено требование, чтобы председатели управ были исключительно русскими.

Государственный совет приступил к обсуждению законопроекта в феврале 1911 г. Небольшая группа «прогрессистов» и часть «центра» немедленно выступили против национальных курий, знаменующих, как выразился профессор М.М. Ковалевский, «отказ от общегосударственной идеи в интересах признания требований национальностей». Столыпин рассчитывал на поддержку мощной «правой» группировки. Но и среди правых обнаружили решительные противники проекта, поскольку понижение земельного ценза, и тем самым умаление веса польского дворянства в пользу русской «полуинтеллигенции», могло служить нежелательным прецедентом, подталкивающим к демократизации земского положения 1890 г. для внутренних губерний. В защиту проекта высказалась только «партия шуровьев», группировавшаяся вокруг А.Б. Нейдгардта (брата жены Столыпина).

Столыпин решил прибегнуть к последнему методу давления на Совет. Николай II по его просьбе передал фракции правых через председателя госсовета М.Г. Акимова пожелание, чтобы правые поддержали правительственный проект. Правые возмутились и на заседании фракции составили письмо государю, в котором излагались причины неприятия правительственного проекта. Письмо передал В.Ф. Трепов, вследствие личной близости к царю получивший право испрашивать у государя аудиенцию. Трепов добился от царя разрешения фракции «голосовать по совести». Мотивы царского решения были в значительной степени внеполитическими. Николая II давно уже раздражал самоуверенный Столыпин, нужда в котором вовсе не казалась такой острой, и он рад был случаю щелкнуть зазнавшегося премьера по носу.

4 марта 1911 г. Государственный совет значительным большинством отверг статью о национальных куриях. 5 марта Столыпин явил-

ся в Царское Село с прошением об отставке. Царь идею отставки отверг, дабы не создавать «парламентского» прецедента. «Во что же обратится правительство, зависящее от меня, — заметил царь, — если из-за конфликта с Советом, а завтра с Думой будут сменяться министры». Тогда Столыпин выставил ультиматум. Он потребовал распустить обе палаты на три дня и принять закон по 87 статье, а кроме того, удалить из Государственного совета лидеров правых П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова.

Николай II четыре дня обдумывал ответ и под давлением вдовствующей императрицы Марии Федоровны и некоторых великих князей, продолжавших верить в необходимость Столыпина, согласился на условия ультиматума. 10 марта он подписал указ о перерыве сессии законодательных палат с 12 по 14 марта и повелел Дурново и Трепову покинуть столицу и до конца года не посещать заседаний Госсовета. 14 марта закон о западном земстве был издан, хотя и в думской редакции, но в порядке чрезвычайного законодательства.

История с «западным земством» знаменовала крах «конституционного эксперимента». Гучков в знак протеста против такого откровенного насилия над законом сложил с себя полномочия председателя Государственной думы. Дума внесла запрос о закономерности действий правительства. Отвечая на запрос в Думе, Столыпин 27 апреля настаивал, что «14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства». Столыпин рассчитывал, что обуздание Государственного совета вызовет сочувствие в Думе, но большинство Думы решительно восстало против «нажима на закон». Думское постановление, осуждавшее действия премьера было принято небывалым большинством в 202 голоса.

Премьер оказался в тупике. Ближайший соратник П.Н. Балашов советовал ему распустить Думу и принять еще раз новый избирательный закон. Но такой диктаторский ход был возможен лишь при полной поддержке государя, а ее Столыпин лишился окончательно и бесповоротно.

Поклонники «русского Бисмарка» и по сей день уверены, что кабы не пуля террориста, Столыпин привел бы Россию к могуществу и процветанию. Петр Струве, в эмиграции ставший сильно идеализировать Столыпина, даже высказывал предположение, что доживи Столыпин до Мировой войны, он «может быть... предупредил бы войну, как он это сделал раньше, во время боснийского конфликта».

Но Столыпин сделался «политическим трупом» задолго до выстрела Дмитрия Богрова в Киевском оперном театре. Вскоре после «парламентского кризиса», вызванного законом о западном земстве, царь отправил в Нижний Новгород Распутина. Целью поездки были «смотрины» тамошнего губернатора Хвостова на должность председателя Совета министров.

Для успеха затеянных реформ Столыпин требовал «20 лет покоя внутреннего и внешнего». Но сам же, действуя насильственно-бюрократическими приемами, разрушил возможность «внутреннего покоя». Насильственная земельная реформа подготовила почву для гражданской войны в деревне. Произвольная национальная политика убедила национальные окраины, что при столыпинском конституционном режиме «политическая свобода господствующей народности может совмещаться с полным отрицанием прав народностей недержавных», и в конечном итоге привела к взрывному росту националистических центробежных сил, разорвавших в 1917 г. империю.

Катастрофы можно было бы избежать, если бы в 1907 г. честолобивый и энергичный российский премьер-министр не решился облагодетельствовать страну реформами вопреки ясно выраженной воле большинства страны.

Подробнее на эту тему:

Pallot, J. *Land Reform in Russia, 1906—1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford, 1999.

Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991.

Корелин А.П. Петр Аркадьевич Столыпин // *Российские реформаторы XIX — начала XX в.* М., 1995.

Леонтович В.В. *История либерализма в России: 1762—1914.* М., 1995.

Степанов С.А. *Загадки убийства Столыпина.* М., 1995.

Хоскинг, Дж. *Россия: народы империя (1552—1917).* Смоленск, 2001.

Шацилло К.Ф. «Нам нужна великая Россия». М., 1991.

Экономическая история России XIX—XX вв.: Современный взгляд. М., 2000.